

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ, ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ИЛИ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Научная статья

УДК 343.847:342.77

doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.574-581

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРИНУЖДЕНИЯ КАК ПРИНЦИП УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРИНЦИП ПРОБАЦИИ В УСЛОВИЯХ ВВЕДЕНИЯ ВОЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Татьяна Павловна Бутенко¹, Дмитрий Алексеевич Никитин²

¹ Амурский государственный университет, г. Благовещенск, Россия, bu-tanya1979@yandex.ru

² Санкт-Петербургский имени В. Б. Бобкова филиал государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Российская таможенная академия», г. Санкт-Петербург, Россия, dima60-62@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрывается сущность рационального применения мер принуждения как принципа уголовно-исполнительного законодательства и принципа probation, которые имеют одинаковое текстуальное закрепление в двух законах – Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации и Федеральном законе «О probation в Российской Федерации». Особое внимание уделяется регулированию общественных отношений, которые будут строиться на основе этих принципов в условиях введения военного положения. Обосновывается рациональное применение мер принуждения, предполагающее разумность и направленность на формирование и стимулирование правопослушного поведения осужденных. Предполагается, что в перспективе возникнет потребность в дополнительном регулировании вопросов исполнения уголовных наказаний и осуществления probation в экстремальных условиях, в частности в условиях введения военного положения. В качестве вывода предлагается модель оптимизации уголовно-исполнительного закона и Федерального закона «О probation в Российской Федерации», которая предполагает дополнение нормативных актов положениями, регламентирующими указанные процессы в условиях введения военного положения. В работе использованы сравнительно-правовой метод, методы анализа и сопоставления.

Ключевые слова: принципы уголовно-исполнительного законодательства, принципы probation, рациональность, меры принуждения, введение военного положения

Для цитирования

Бутенко Т. П., Никитин Д. А. Рациональность применения мер принуждения как принцип уголовно-исполнительного законодательства и принцип probation в условиях введения военного положения: некоторые теоретические аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19(1–4), № 4. С. 574–581. DOI: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.574-581.

PENAL LAW IN THE CONDITIONS OF NATURAL DISASTER, EMERGENCY OR MARTIAL LAW

Original article

THE RATIONALITY OF THE USE OF COERCIVE MEASURES AS A PRINCIPLE OF PENAL LEGISLATION AND THE PRINCIPLE OF PROBATION UNDER MARTIAL LAW: SOME THEORETICAL ASPECTS

Tatyana Pavlovna Butenko¹, Dmitry Alekseevich Nikitin²

¹ Amur State University, Blagoveshchensk, Russia, bu-tanya1979@yandex.ru

² St. Petersburg named after V. B. Bobkov branch of the State state educational institution of higher Education «Russian Customs Academy», St. Petersburg, Russia, dima60-62@yandex.ru

Abstract. In the article, the authors reveal the essence of the rational application of coercive measures as a principle of penal legislation and the principle of probation, which has the same textual consolidation in two laws – the Penal Code of the Russian Federation and the Federal Law «On Probation in the Russian Federation». Special attention is paid to the regulation of public relations, which will be based on this principle in the conditions of martial law. The rational application of coercive measures is justified, assuming reasonableness and focus on the formation and stimulation of law-abiding behavior of convicts. It is assumed that in the future there will be a need for additional regulation of the execution of criminal penalties and probation in extreme conditions, in particular under martial law. As a conclusion, a model for optimizing the penal law and the Federal Law «On Probation in the Russian Federation» is proposed, which involves supplementing normative acts with provisions regulating these processes under martial law. The comparative legal method, the method of analysis and comparison are used in the work.

Keywords: principles of penal legislation, principles of probation, rationality, coercive measures, martial law

For citation

Butenko, T. P. & Nikitin, D. A., 2024, 'The rationality of the use of coercive measures as a principle of penal legislation and the principle of probation under martial law: some theoretical aspects', *Penal law*, vol. 19(1–4), iss. 4, pp. 574–581, doi: 10.33463/2687-122X.2024.19(1-4).4.574-581.

На современном этапе развития законодательства все чаще возникают вопросы относительно действия отдельных нормативных актов в условиях введения военного положения. В Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (УИК РФ) термин «военное положение» встречается два раза: в ст. 85, где предусмотрено введение режима особых условий в исправительном учреждении в случае введения военного положения; в ст. 173, в которой прописан порядок освобождения от отбывания наказания осужденного, призванного на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации. При этом следует уточнить, что ст. 173 УИК РФ была дополнена ч. 8, в которой закреплена возможность освобождения при названных условиях, лишь в 2023 г. (См.: Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 269-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2023. № 26. Ст. 4677).

Особый интерес вызывает вопрос относительно действия такого отраслевого принципа уголовно-исполнительного законодательства, как рациональное применение средств принуждения, закрепленного в ст. 8 УИК РФ, в условиях введения военного положения. Акцентуация внимания на данном принципе обусловлена дублированием данного принципа в ст. 3 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (ФЗ «О пробации в РФ»).

С учетом увеличения количества публикаций о соотношении принципов уголовно-исполнительного законодательства и принципов пробации размышления по данному вопросу будут способствовать выработке механизмов их применения в условиях возможного введения военного положения.

Принципы в законодательстве, равно как и цели и задачи, являются наиболее стабильными элементами в нормативно-правовой материи. На принципах основывается весь комплекс правоотношений, возникающих в той или иной сфере. Кроме того, все принципы, на которых базируется определенная отрасль законодательства, должны быть взаимосвязаны, и именно их системность обеспечивает эффективное применение всех норм. Принципы уголовно-исполнительного законодательства закреплены в ст. 8 УИК РФ. Используя общеизвестный подход к разделению принципов на общеправовые, межотраслевые и отраслевые, можно заключить, что принцип рационального применения мер принуждения относится к последней группе.

С учетом того что УИК РФ был принят раньше ФЗ «О пробации в РФ», можно предположить, что практика реализации названного принципа в течение двадцати пяти лет позволила законодателю закрепить его в идентичной формулировке в ФЗ «О пробации в РФ».

Рациональное применение мер принуждения предполагает, что меры принуждения должны применяться обоснованно, разумно и быть направлены на формирование и стимулирование правопослушного поведения осужденных. Меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона (ч. 2 ст. 12 УИК РФ).

В. А. Можайкина под рациональным применением мер принуждения понимает «реализацию разумного подхода к использованию имеющегося арсенала мер принуждения в зависимости от индивидуальных характеристик лица, отбывающего наказание» [1, с. 336].

В. Д. Иванов и А. Я. Гришко считают, что данный принцип означает «экономия репрессий, выбор мер принуждения при исполнении наказаний с минимальным карательным содержанием» [2, с. 15]. Аналогичного мнения придерживается и В. А. Уткин [3, с. 30].

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ...

В УИК РФ реализация рассматриваемого принципа находит отражение в ст. 82, 85, 86, 115–117, 136 и др. Кроме того, порядок применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудниками уголовно-исполнительной системы определяется Законом РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (гл. V).

В международных актах, которые являются составной частью правовой системы Российской Федерации, термин «меры принуждения» отсутствует. Вместе с тем закрепляются понятия «меры взыскания», «средства усмирения»¹. Принуждение – действие против воли человека; насильственная мера. Взыскание – это наказание за невыполнение чего-нибудь, за нарушение дисциплины или каких-либо обязательств. Усмирение – приведение в покорность; подавление или укрощение².

«Любые меры принудительного отделения от общего контингента заключенных... будь то в качестве дисциплинарного взыскания или для поддержания порядка и безопасности, включая ввод в действие принципов и процедур, регулирующих использование и пересмотр порядка применения и отмены любых мер принудительной изоляции, должны всегда регулироваться законодательством или нормативно-правовыми актами компетентного административного органа (выделено нами. – Примеч. авт.)» – гласит Правило 37 Нельсона Манделы.

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) говорят о том, что «средства усмирения должны использоваться только в тех случаях, когда менее жесткие формы контроля оказываются недейственными для устранения рисков, связанных с перемещением без каких-либо ограничений. Метод усмирения должен быть наименее жестким из тех, что необходимы и разумно приемлемы для контроля за перемещением заключенного, с учетом уровня и характера возникающих рисков» (Правило 48)³.

Таким образом, необходимость закрепления в тексте национального закона порядка применения мер принуждения, в частности, мер взыскания, а также их видов предопределена императивным конструктом положений международного правового акта.

Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», закрепляющий три вида пробации: исполнительную, пенитенциарную и постпенитенциарную, призван «способствовать эффективной адаптации граждан в обществе, восстановлению социально полезных связей, трудоустройству»⁴.

¹ См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) (пересмотренный текст) : приняты 17 декабря 2015 г. резолюцией 70/175 на 80-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/1305346/?ysclid=m3b508b9i253035357> (дата обращения: 12.07.2024).

² См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940 гг.) // ФЭБ: Фундаментальная электронная библиотека. URL: <https://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/16/us382706.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 12.07.2024).

³ См.: Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы).

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О пробации в Российской Федерации» // СОЗД: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/232770-8?ysclid=m3blpuieca853925039#bh_note (дата обращения: 12.07.2024).

Рациональность применения мер принуждения закреплена в качестве принципа probation в ст. 3 ФЗ «О probation в РФ». Данный принцип является специальным в probationных правоотношениях.

Относительно возможности применения мер принуждения законодатель определяет их в отдельных статьях ФЗ «О probation в РФ». Так, в случае невыполнения без уважительных причин (уклонения от выполнения) мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, лицу, в отношении которого применяется postпенитенциарная probation, уголовно-исполнительной инспекцией выносится предупреждение о возможном прекращении оказания ему помощи и содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации. В случае повторного невыполнения (уклонения от выполнения) мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, без уважительных причин после вынесения предупреждения оказание помощи и содействия в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации прекращается, о чем выносится соответствующее решение. Повторно postпенитенциарная probation не применяется (ч. 3 ст. 21 ФЗ «О probation в РФ»).

Будучи принципом probation, принцип рациональности применения мер принуждения ориентирован на работу субъектов probation и корреспондирует аналогичному принципу уголовно-исполнительного законодательства.

Вместе с тем принцип отрасли права и принцип института – это несоизмеримые по объему категории. В юридической литературе высказываются мнения о том, что «институт probation представляет собой нормативное образование, включающее в свое содержание нормы таких отраслей права, как конституционное, уголовно-исполнительное, уголовное, трудовое, семейное право» [4, с. 23]; «содержание probation имеет рамочный межотраслевой характер» [5, с. 204]; «“ФЗ О probation в РФ” вобрал в себя большое количество норм уголовно-исполнительного права, но в то же время его нельзя отнести ни к одному институту этой отрасли права» [6, с. 189].

Справедливо отмечают А. П. Скиба и Н. С. Малолеткина, что, с одной стороны, ФЗ «О probation в РФ» логически вписывается в положения ч. 1 ст. 2 УИК РФ о том, что уголовно-исполнительное законодательство РФ состоит из самого УИК РФ и других федеральных законов; с другой стороны, данный Закон расширяет, в сравнении с текущим законодательством, организационно-правовые основы взаимодействия учреждений и органов, исполняющих наказания, других государственных органов, осужденных, субъектов общественного воздействия и иных участников уголовно-исполнительных правоотношений, а также создает предпосылки дальнейшего развития уголовно-исполнительного права [7, с. 80].

Рассуждая о рациональном применении мер принуждения как принципе отрасли уголовно-исполнительного права и принципе института probation, можно констатировать, что основной фигурой, ради которой этот принцип закреплён в нормативных актах, является человек, который нарушил уголовный закон и вина которого доказана. Однако если в уголовно-исполнительном законе этот принцип применяется только в отношении осужденных, то в ФЗ «О probation в РФ», кроме осужденных, еще и в отношении лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, то есть в отношении гораздо большего круга лиц.

Реализация названного принципа в контексте осуществления пенитенциарной probation соотносится с применением мер принуждения и мер взыскания, которые закрепи-

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ...

ны в УИК РФ. В части применения исполнительной пробацции в отношении лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера и постпенитенциарной пробацции, когда следует «*принуждать к каким-либо действиям*» (выделено нами. – *Примеч. авт.*) лиц, которые не являются осужденными, возникают вопросы относительно механизма их регламентации. Еще больше вопросов появляется в связи с возможным введением военного положения и осуществления пробационных мероприятий в таких условиях.

В 2022 г. была издана монография «Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения», в которой ряд ученых высказали свои мнения по поводу исполнения уголовных наказаний в экстремальных условиях.

В частности, А. П. Скиба считает, что нормы, касающиеся особенностей исполнения уголовных наказаний в военное время, по меньшей мере в общих чертах должны быть закреплены на законодательном уровне (особенно в УИК РФ) [8, с. 295].

Высказываясь относительно целесообразности закрепления особенностей исполнения наказаний в военное время, А. И. Глушков не исключает наличие двух вариантов: 1) закрепление порядка регулирования исполнения наказаний в указанный период в УИК РФ; 2) издание специального нормативного акта. Однако предлагает оставить пока этот вопрос открытым [9, с. 28].

В ряде зарубежных стран (ФРГ, Франция, Швейцария и др.) приняты военно-уголовные законы, в которых закреплены и вопросы исполнения уголовных наказаний в военное время. В России пока такие законы отсутствуют.

Следуя логике исследователей, можно спрогнозировать пути законодательного регулирования осуществления пробационных мероприятий и порядка исполнения наказаний в условиях введения военного времени. Так, думается, что возникнет потребность либо в дополнительной регламентации порядка исполнения уголовных наказаний в экстремальных условиях в тексте уголовно-исполнительного закона (вариант 1: дополнение ст. 85 УИК РФ; вариант 2: введение в УИК РФ главы 12.1 – Исполнение уголовных наказаний в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения; вариант 3: дополнение УИК РФ Специальной частью), либо в принятии отдельных нормативных актов, закрепляющих вопросы исполнения уголовных наказаний в условиях военного времени. И в первом, и во втором варианте особое внимание придется уделить целям, задачам и принципам уголовно-исполнительного законодательства военного времени. По аналогии можно предложить два варианта оптимизации ФЗ «О пробацции в РФ»: 1) дополнить закон главой 6.1 «Правовое положение лиц, в отношении которых осуществляется пробацция, в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения»; 2) взять за основу конструкцию ст. 85 УИК РФ с уточнениями относительно всех видов пробацции (исполнительной, пенитенциарной, постпенитенциарной) и закрепить в самостоятельной статье закона порядок осуществления пробацции в условиях введения военного положения. При этом рациональность применения мер принуждения как повторяющийся принцип в УИК РФ и в ФЗ «О пробацции» останется стабильным. Примечательно, что 29 мая 2023 г. ч. 2 ст. 7 Федерального конституционного закона от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. ФКЗ от 2 ноября 2023 г. № 8-ФКЗ) «О военном положении» (далее – ФКЗ «О военном положении») была дополнена подп. 12.2, согласно которому одной из мер, применяемой на территории, на которой введено военное положение, выступает принудительное и контролируемое перемещение граждан с территории, на которой введено военное положе-

ние, на территории, на которых военное положение не введено. По своему содержанию это и есть мера принуждения, которая становится таковой в случае отсутствия согласия лица (осужденного или человека, в отношении которого применяется исполнительная или постпенитенциарная пробация) на добровольное перемещение на другую территорию.

С учетом того что данное действие закреплено в качестве обязательного в нормативном акте, обладающем высшей юридической силой, можно констатировать приоритет применения ФКЗ «О военном положении» перед УИК РФ и ФЗ «О пробации в РФ».

Таким образом, проведя анализ текстуальных положений нормативных актов, закрепляющих принцип рационального применения мер принуждения, можно сделать вывод о том, что он красной нитью проходит сквозь кодифицированный закон в сфере исполнения уголовных наказаний и является основой для реализации пробационных мероприятий. При этом в условиях введения военного положения на современном этапе регулирование всех процессов, связанных с исполнением уголовных наказаний и осуществлением мероприятий, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию объектов пробации, будет осуществляться на основании ФКЗ «О военном положении» с изъятиями и ограничениями, установленными в УИК РФ.

В перспективе же возникнет потребность в дополнительном регулировании вопросов исполнения уголовных наказаний и осуществления пробации в экстремальных условиях, в частности в условиях введения военного положения. При этом некорректно говорить о приостановлении принципов (в том числе принципа рационального применения мер принуждения) в указанный период действия. Представляется, что более правильно рассуждать о необходимости приостановления исполнения уголовных наказаний и (или) пробационных мероприятий в таких условиях.

Список источников

1. Можайкина В. А. О рациональном применении мер принуждения и средств исправления при исполнении лишения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18(1–4), № 3. С. 336.
2. Научно-практический комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации / под ред. В. Д. Иванова. М. : ИКЦ МарТ ; Ростов н/Д : МарТ, 2004.
3. Уткин В. А. Рациональность принуждения как принцип правового регулирования исполнения лишения свободы // Пенитенциарная наука. 2022. № 1(57). С. 30.
4. Павленко А. А., Чуприн М. Г. Правовая природа соглашений в сфере пробации // Административное право и процесс. 2024. № 7. С. 23.
5. Старостин С. А., Анискина Н. В. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2. С. 204.
6. Громов В. Г. Пробация и проблемы ее реализации в Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. Т. 24. Вып. 2. С. 189.
7. Скиба А. П., Малолеткина Н. С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1(54). С. 80.
8. Уголовно-исполнительное законодательство в условиях стихийного бедствия, введения чрезвычайного или военного положения : монография / И. А. Ефремова, Ю. А. Кашуба, В. Н. Орлов и др. ; под общ. ред. А. А. Крымова ; под науч. ред. А. П. Скибы. 4-е изд., испр. и доп. М. : Криминол. б-ка, 2022. 295 с.

9. Глушков А. И. Зарубежный опыт регламентации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы в условиях чрезвычайных ситуаций // *Международное публичное и частное право*. 2013. № 3. С. 28.

References

1. Mozhaikina, V. A. 2023, 'On the rational use of coercive measures and means of correction in the execution of deprivation of liberty', *Penal Law*, vol. 18(1–4), iss. 3, pp. 336.
2. Ivanov, V. D. (ed.) 2004, *Scientific and Practical Commentary on the Penal Enforcement Code of the Russian Federation*, pp. 15, MarT, Moscow, Rostov-on-Don.
3. Utkin, V. A. 2022, 'Rationality of coercion as a principle of legal regulation of the execution of deprivation of liberty', *Penitentiary science*, iss. 1(57), pp. 30.
4. Pavlenko, A. A. & Chuprin, M. G. 2024, 'The legal nature of agreements in the field of probation', *Administrative law and process*, iss. 7, pp. 23.
5. Starostin, S. A. & Aniskina, N. V. 2022, 'Probation Service in Russia: policy choice and development prospects', *Penitentiary Science*, vol. 16, iss. 2, pp. 204.
6. Gromov, V. G. 2024, 'Probation and problems of its implementation in the Russian Federation', *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Economics. Management. Right*, vol. 24, iss. 2, pp. 189.
7. Skiba, A. P. & Maloletkina, N. S. 2023, 'The Law "On Probation in the Russian Federation" as a prerequisite for further development of penal law', *Bulletin of the Kuzbass Institute*, iss. 1(54), pp. 80.
8. Efremova, I. A. 2022, *Penal legislation in the context of a natural disaster, the introduction of an emergency or martial law: monograph*, A. A. Krymov, A. P. Skiba (eds), 4th edn, Criminological Library, Moscow.
9. Glushkov, A. I. 2013, 'Foreign experience in regulating the activities of institutions of the penal system in emergency situations', *International public and private law*, iss. 3, pp. 28.

Информация об авторах

Т. П. Бутенко – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права;

Д. А. Никитин – кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин.

Information about the authors

T. P. Butenko – PhD (Law), Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law;

D. A. Nikitin – PhD (Law), Associate Professor, senior lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines.

Примечание

Содержание статьи соответствует научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Статья поступила в редакцию 15.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 13.11.2024.

The article was submitted 15.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 13.11.2024.